

Андрюшков А.А.

Политические тексты П.А. Флоренского: авторские смыслы и интерпретации власти (на примере записки «Предполагаемое устройство государства в будущем»)

Общественно-политическая позиция П.А. Флоренского, выдающегося русского мыслителя первой половины XX века, в последнее время все чаще становится предметом специальных исследований¹. Долгое время существовало представление о том, что Флоренский был самым «аполитичным» из всех русских мыслителей (распространенное мнение священника Александра Меня). Однако публикация его рукописного наследия 20-х гг. и материалов следственного дела 1933 г., по которому он был осужден как контрреволюционер, дала обширные возможности для разнообразных версий интерпретации его отношения к политической жизни страны и его теоретических взглядов на государство. На примере Флоренского мы можем видеть, каким образом взгляды консервативных мыслителей, защищавших до революции монархический строй², трансформировались в реальности Советского Союза.

Сейчас можно с уверенностью говорить, что монархическая позиция в русской политической мысли существовала не только за рубежом, в эмигрантской среде, но и в самом Советском Союзе, правда, в существенно измененной форме. Актуальность анализа этих трансформаций определяется двумя факторами. Во-первых, такая работа может отказаться от исключительности противопоставления либерализма и социализма как базовой оппозиции, задающей спектр политических учений XX века. Во-вторых, именно через монархическую парадигму можно по-новому взглянуть на ключевые политологические понятия, например, такие как верховная власть и политический режим, и обнаружить основания для проблематизации неолиберальной политологической парадигмы.

---

¹ К наиболее значимым работам отнесем анализ священника Владислава Цыпина записки «Предполагаемое государственное устройство» на сайте Православие.Ру (URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/749.htm>, <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/713.htm>, <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/751.htm>), кандидатскую диссертацию Д.С. Тальникова «Политико-правовые воззрения Павла Александровича Флоренского» (СПб., 2010) и статью И.А. Треушниковой «Политико-правовые воззрения П.А. Флоренского» // Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: сборник научных трудов. Вып. 3. Нижний Новгород, 2000. С.30-42; Михаэль Хагемайстер «Новое средневековье» // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2003 год [6]. М., 2004.

² П.А. Флоренский до революции был активным участником Новоселовского кружка, который представлял консервативно мыслящие православные круги русской интеллигенции (об этом см. Переписка священника П.А. Флоренского с М.А. Новоселовым: Архив священника П.А. Флоренского. Вып. 2. Томск, 1998.)

Анализ записки «Предполагаемое государственное устройство в будущем»

В 2009 г. материалы следственного дела П.А. Флоренского, по которому в 1933 г. он был обвинен «в контрреволюционной агитации и пропаганде, и организационной контрреволюционной деятельности», были изданы внуком философа — игуменом Андроником Трубачевым³. Записка «Предполагаемое государственное устройство в будущем», которая является неотъемлемой частью материалов следственного дела, была издана намного раньше — еще в 1991 году — и неоднократно переиздавалась. Однако до сих пор этот текст, заметно выделяющийся своей стилистикой и тематикой из всего наследия Флоренского (особенно его работ 20-30-х гг.), вызывает споры и сомнения в среде исследователей русской философии и в общественном мнении. Причины этого двояки.

Во-первых, текст написан в вынужденных условиях, в ходе допросов и в следственном процессе занимает важнейшее место: он доказывает не просто наличие контрреволюционной организации, но и то, что у организации была своя продуманная программа и идеология. Следственное дело № 2886 — это очевидный, с точки зрения права, подлог. Никакой организации «Партия возрождения России» не было, все «доказанные» встречи с врагами советского государства (в том числе якобы с Гитлером!) были выдуманы, многие «заговорщики» познакомились друг с другом только после ареста и т.д. В ходе допросов применялись насильственные способы воздействия на психику людей: их лишали сна, на них кричали матом, угрожали, шантажировали и т.д. До грубых форм насилия в то время еще не доходили, однако для большинства арестованных — пожилых ученых — «мягких» форм было достаточно, чтобы вынудить их идти на самооговоры. Таким образом, рассматриваемый нами текст не может быть назван чистым выражением мыслей П.А. Флоренского. Очень сомнительно, чтобы П.А. Флоренский написал этот текст, если бы этого от него не требовали под угрозой смерти (своей или близких или вообще других людей). Можно даже поставить под сомнение само **авторство** текста. Неочевидно и то, что написанное и подписанное в ходе подобных следственных действий (трактат, признания, протокол очных ставок) в принципе может рассматриваться как часть творческого наследия того или иного автора.

Во-вторых, содержание текста представляет собой проект перестройки СССР. В нем рассмотрены многие отдельные аспекты политического устройства и принципы

---

³ Флоренский П., священник. Предполагаемое государственное устройство в будущем: сборник архивных материалов и статей / сост. игумен Андроник (Трубачев). М., 2009.

организации отраслей — правда, совсем не подробно, набросками. Однако, на первый взгляд, в этих проектных набросках можно, скорее, увидеть теоретика светского государства, по многим параметрам схожего с СССР, чем автора сакральной теории монархической власти, представленной в лекциях 1918 г. по философии культа⁴. В работе же 1933 г. критике подвергаются либерально-буржуазные модели политического устройства, демократические институты, но исторической монархической модели автор отказывает в какой-либо возможности для реставрации; социалистическая модель по многим основаниям принимается. Таким образом, мы видим в тексте совершенно новую политическую мысль, происхождение которой из известных нам политических и антропологических идей Флоренского не очевидно. Признание этого текста как аутентичного социально-политической и философской позиции Флоренского означало бы указание на существенное изменение его взглядов. Это, безусловно, возможно, но требует обоснования.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу этого спорного текста, опишем условия, в которых он появился. Дело, по которому был арестован П.А. Флоренский в 1933 г., создавалось без какой-либо связи с сергиевипосадским делом, по которому он был выслан в Нижний Новгород в 1928 году. Оно велось совсем другим управлением, другим следователем, который в ходе допросов людей, никак не связанных с Флоренским, почему-то, на определенном моменте следствия, включил в дело и Флоренского. До момента ареста самого Флоренского (ночь с 25 на 26 февраля 1933 г.), следствие уже шло более месяца.

Скорее всего, подключение Флоренского сделало это сомнительное дело, по которому проходили люди, в принципе не способные создать какую-то самостоятельную контрреволюционную единицу (а это явно было зачем-то нужно следователю), более-менее правдоподобным. Флоренский был важен, поскольку он был известен, он уже давно являлся подозреваемым, и главное — он был способен сформировать идеологическую платформу. Бывшему профессору церковного права П.В. Гидулянову имя Флоренского было просто подсказано, что позднее сам Гидулянов подтвердил в своем письме прокурору Верховного Суда СССР, направленному уже из Алма-Аты (где он отбывал ссылку) в 1934 г. В этом письме Гидулянов подробно описывает, как его заставили сделать ложное признание в том, что он является членом организации, в которую входил и П.А. Флоренский. В частности, он пишет: «Из

---

⁴ Флоренский П.А., священник. Философия культа. М., 2004. С. 288–298. Также см.: Андрюшков А. Сакральное значение власти в философии культа П.А. Флоренского // Власть. №6. 2007. С. 68–72.

названных лиц с проф. Флоренским я никогда не был знаком и видел его в первый раз в жизни во время очной ставки»⁵. Можно предположить, что очная ставка, о которой здесь говорится, произошла 26 февраля, в самый день ареста Флоренского. После этой встречи Флоренский начал давать признательные показания. Первые из них датируются или 26 или 27 февраля. Вероятно, допросы шли почти непрерывно, велись они в грубой форме, спать не давали. Фотографии П.А. Флоренского, сделанные для дела 27 февраля, показывают нам абсолютно измученного человека.

С позиций дня сегодняшнего очень трудно, а порой и невозможно оценивать поведение людей в таких ситуациях, когда слова, речи и поступки берутся не в отношении к реальности, а в отношении к их функции в машине уничтожения. Не известно в подробностях, как говорили с Флоренским следователи и его «подельники» на очной ставке. Самое главное, что они *говорили*, то есть вступали в живое общение на русском языке, но эти «диалоги» являются прямой противоположностью платоновских диалогов, т.е. по сути это анти-диалоги⁶. В таких анти-диалогах человек, сохранивший совесть, должен постоянно раздваиваться между тем, что он говорит, и что он на самом деле думает. В то же время он находится в ситуации, когда действовать в соответствии со своим мышлением он не может, он бездействует, поскольку деятельность здесь одна — деятельность машины следствия. И если ты оказался в ней, то ты сам и твоя речь оказывается не подчиненной ни твоему мышлению, ни твоему действию. Тогда перед каждым арестованным встает сверхзадача: сохранить связь с реальностью, сохранить свою идентичность, воспроизвести единство самосознания. Никакие рецепты, никакие абстрактные моральные нормы в такой пограничной ситуации не действуют. Требуется перевоссоздание всех личностных оснований, чтобы пронести их сквозь угрозу смерти.

Есть ли право и возможно ли оценить того, кто был в такой пограничной ситуации? Представляется, что нет. Но и научиться у такого человека тоже вряд ли возможно. Кто был правее — Заболоцкий, который чуть не сошел с ума, сопротивляясь

---

⁵ Цит. по: *Флоренский П.*, священник. Предполагаемое государственное устройство. С. 51.

⁶ Не монолог, а именно анти-диалог, как обратная, мнимая форма диалога, когда обязательно есть двое, два сознания, но при этом одно сознание полностью управляет коммуникацией, оно может прекратить или начать коммуникацию без свободы другого сознания выйти в управление коммуникации. Диалог обязательно предполагает взаимное изменение в содержаниях сознания участников, в анти-диалоге живые сознания участников не меняются. В анти-диалоге формируются личины, которые питаются живым сознанием (таким образом, следователь не может за Флоренского все написать и сказать, обязательно должен сказать сам Флоренский), но не могут образовать новую живую мысль, новое содержание. Видимо, возможны и такие случаи анти-диалога, когда никто из участников не свободен управлять коммуникацией, управление происходит извне, а в коммуникации присутствуют только личины — марионетки.

вопиющей несправедливости следствия, или Флоренский, который признался в нелепейших обвинениях? Вопрос — без ответа.

Однако, имея перед собой материалы следствия и текст «Предполагаемого государственного устройства», есть возможность понять, что именно в процессе столкновения с машиной смерти Флоренский *смог* сделать. С известной долей уверенности, можно предположить, что Флоренский восстановил себя, не изменил своим основаниям и не был убит и не сошел с ума, вследствие того, что он смог все-таки написать текст «Предполагаемое государственное устройство в будущем». Этот тип социального действия можно было бы назвать мыслительным действием в конфликтной коммуникации.

Можно выделить следующие причины, по которым авторство (понимаемое как сознательное, позиционное) Флоренского по отношению к этому тексту должно быть признано бесспорным:

1) Текст изобилует конкретными примерами, в которых однозначно проглядываются ссылки на опыт Флоренского (командировки, знакомство с некоторыми областями практики).

2) Основные положения текста базируются на методологии «реального идеализма», разработанной Флоренским в предыдущие годы (понятие «идеи» как единого во многом, ценностная акцентировка на конкретный материал, проблема воспроизводства жизни и др.).

3) Текст в ничтожной доле связан с вымышленной следствием программой «Партии возрождения России», по многим положениям ей противоречит (например, в вопросе интервенции Германии, о восстановлении монархии и опоре на Русскую православную церковь).

4) В тексте излагается проект политической реформы Советского Союза. При этом предложения по ряду сфер делаются предельно конкретно и таким образом, что могли быть озвучены в свободных условиях, поскольку не содержат ничего крамольного (например, очень подробно описан подход к образовательной политике, организации научных исследований и развитию сельского хозяйства), более того, соответствуют общим принципам мировоззрения Флоренского.

5) Жанр текста — проектная записка, стиль в большей части свободный; в некоторых фрагментах видно, что автор излагает многие ранее обдуманые мысли. В

тексте почти ничто не указывает на то, что автор пытается придумать и сказать что-то, что противоречит его идеям.

Данные соображения не отменяют сказанного выше — игнорировать наличие «другого» автора, стоящего за текстом, нельзя. Но с большей степенью уверенности можно все-таки предположить, что активного влияния на текст этого «другого» почти не было. Влияние, скорее всего, сказывается в требованиях коснуться ряда тем, только условно связанных с основными положениями, — например, о помощи Германии (которую Флоренский аргументированно отвергает как абсолютно неприемлемую). Также очевидно, что многое попросту было не описано, или убрано из записки, как полностью не соответствующее требованиям «другого»: особенно это касается размышлений Флоренского о значении религиозного начала в жизни страны.

Жизнестратегическая перспектива в политике государства

Основная теоретическая конструкция записки выглядит следующим образом: «Построить разумное государственное устройство — это значит сочетать <свободу> проявления данных сил отдельных людей и групп с необходимостью направлять целое к задачам, <неактуальным> индивидуальному интересу, стоящим выше и делающим историю»⁷. Проблема связи единичного и общего — является одной из центральных в концепции идеализма у Флоренского. Единство целого во многих частях — важнейшее положение его философии, и как основа для его размышлений о политическом присутствует уже в сочинении 1906 г. о понятии Церкви в Священном Писании. Собственно, в сочетании этих двух начал государственности — единства государственной формы и многообразия содержания — Флоренский утверждает сферу политического. Различные варианты согласования того и другого образуют ту или иную политическую организацию. Предельные типы — «бюрократический абсолютизм» и «демократический анархизм» появляются в результате смешения формы и содержания государства: в одном случае государственная форма «содержит» только однородное, уничтожая все многообразие. В другом — многообразие разрушает единство, т.е. государственную форму как таковую. И то и другое уничтожает целостность государства. Выход должен лежать в «умелом направлении» индивидуальных и групповых проявлений жизни, «так чтобы своеобразия и противоречия давали в целом государственной жизни <нужный> эффект»⁸.

---

⁷ Флоренский П., священник. Предполагаемое государственное устройство. С. 7.

⁸ Там же. С.8.

Методология государственного строительства, с точки зрения Флоренского, должна быть связана с жестким разграничением задач государства, как формы, и государства, как содержания. Что это означает? Видимо, Флоренский предлагает различать два вида политики: политику производства и воспроизводства *общих ценностей* (таких как целостность государства, внешняя политика, политика национальных стандартов в разных отраслевых сферах и т.д.) и политику, направленную на воспроизводство *жизни в ее многообразии* («то, что составляет содержание жизни отдельной <личности> и дает интерес и побуждение жизни»⁹). Последнее очень близко подходит к выделяемой в постмодернистских исследованиях сферы биополитического как формы общественного производства условий и состояний жизни населения¹⁰. То, что именно искусство управлять жизненными потенциями (здоровьем, безопасностью, аффектами, осмысленностью и т.д.) населения, станет в XX веке одной из основных сфер политического. Но обратим внимание, что для Флоренского так понимаемая «биополитика» не может служить задачам государства, как формы, т.е. подчиняться общей стандартизации и т.д. Таким образом, речь идет не о биополитике (или «биовласти», т.е. наиболее страшной формы насилия), как она описывается, например, у Мишеля Фуко. Правильнее было бы использовать введенное Ю.В. Громыко понятие "жизнестратегия" — создание в государстве условий для воспроизводства сложного жизненного целого¹¹.

Наиболее развернутой критике в тексте подвергается демократическая модель государства. Флоренский утверждает, что эта модель строится на смешении выделяемых им двух сфер политического, поскольку вместо того, чтобы осуществлять индивидуацию людей в государстве, когда каждый может проявить свои творческие и жизненные силы, демократия создает «формальное равенство» через институт представительства: «Политическая <свобода> масс в государствах с представительным правлением есть обман и самообман масс, но самообман <опасный>, отвлекающий в сторону от полезной деятельности и вовлекающий в политиканство»¹². Опасность представительства Флоренским объясняется почти теми же словами, которые звучат

---

⁹ Там же.

¹⁰ Ср. у Антонио Негри: «В своих зверствах, целью которых было сведение человеческого существования к минимально возможному уровню «жизни как таковой», фашизм и нацизм тщетно пытались разрушить ту огромную силу, которой могла стать сама жизнь» (*Хардт М., Негри А. Империя*. М., 2004. С. 340). Это высказывание хорошо характеризует выделяемый Флоренским «бюрократический абсолютизм», который направлен на «истребление и подавление тех или иных данностей».

¹¹ См. *Громыко Ю.В.* Мыследеятельность, сознание и сверх-личность. Реальность развития. М., 2010. Развиваемая Ю.В. Громыко концепция развития во многом является синтезом подхода П.А. Флоренского и идей Московского методологического кружка.

¹² *Флоренский П.*, священник. Предполагаемое государственное устройство. С. 9.

сегодня при политической критике демократии. Он пишет: «Ни одно правительство, если оно не желает краха, фактически не опирается на решение большинства в вопросах важнейших и вносит свои коррективы; а это значит, что по существу оно не признает представительства, но пользуется им, как средством для прикрытия своих действий»¹³.

В этом жестком отказе от основного принципа демократии, собственно, и видят основания для обвинения Флоренского как апологета тоталитаризма. Однако сформулировав основную проблему политического, Флоренский никак не мог бы согласиться с тем, чтобы подавление личности и возможности индивидов реально влиять на политику государства было возведено в принцип государства. «Политика есть специальность», утверждает он, т.е. ей нужно учить так же, как и другим специальностям, но в государстве должны быть созданы условия, чтобы правительство активно использовало экспертное сообщество, предложения «тех лиц и групп, которые действительно могут сказать нечто полезное». Не формальное равенство, не право на представительство во власти («все права на власть — старая ветошь, которой место в крематории»¹⁴) образует форму участия индивида в политическом, а «деятельность, в которой реализуются лучшие потенции человека». Именно деятельность, направленная на воспроизводство жизни и развитие средств преодоления энтропии, является для Флоренского условием оправданности человека, его личностного бытия. В тексте записки он утверждает, что именно возможность реализовать такую деятельность и «есть единственный способ получить удовлетворенность и <вкус к> жизни».

Можно заключить, что в отличие от политической антропологии либерализма, Флоренский отказывается принимать формально-правовую концепцию свободы личности как основу для создания государства. Такой основой становится *деятельность, направленная на воспроизводство жизни*. В отношении к этому Флоренский выдвигает принципы политики — централизация в решении общегосударственных задач и индивидуализация в проявлении творческого потенциала населения. Эти принципы последовательно проводятся на примере различных сфер жизни государства, но наиболее ярко — на примере политической организации СССР и развития регионов страны.

Политическое устройство СССР (как союз республик) Флоренским принимается, но он считает, что необходима большая индивидуализация отдельных

---

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 12.

республик. Соединение единого и многого в Союзе должно решаться, когда «данная республика будет сознавать себя не случайным придатком, а необходимым звеном целого»¹⁵. Великое государство, он утверждает, свое величие получает из уникальности и многообразия регионов. Монотонность культурной и социальной стандартизации делает величие государства исключительно количественной единицей — страна просто большая, но никак не великая. В СССР же происходит, с одной стороны, тотальная ориентация республик на образ жизни и стандарты Москвы, а с другой — «нелепые» мечты об отделении, что указывает только на амбивалентность такой «стандартизации»: стремлюсь быть как Москва, но если бы не Москва, жил бы много лучше и правильнее. Флоренский явно намечает совершенно другой принцип региональной политики, связанной с выделением того, что сегодня называют потенциалом развития региона. С его точки зрения, центральная власть должна осуществлять поддержку и проявление таких потенциалов, находить уникальную форму экономики и быта, соответствующую истории, географии и специфике населения.

На подобном принципе должна строиться и *национальная политика*. Флоренский убежден — несмотря на сложность подобной задачи, в истинно великом государстве каждый народ может найти свою функцию, отвечающую как возможностям народа, так и требованиям общегосударственным. Именно такого рода задачи и образуют, по его мнению, искусство управления. В то же время ни в царской России, ни в СССР, с его точки зрения, эта задача не была решена. Наличие в государстве условий для культурной и хозяйственной спецификации народов требует усиления государственного языка — русского, но не разговорного русского, а «русский литературный язык», который является носителем «общегосударственной идеи».

В сфере образования предлагается развести способы управления начальным и средним образованием (должны быть в попечении региональных властей, требуется вариативность школ, программ и способов обучения) и высшим (под контролем высших органов — исходя из государственных задач). Но при этом Флоренский предлагает отказаться от концентрации вузов в крупных городах: «Высшие учебные заведения следует распределить по всей стране. Это повысит культурный уровень страны, создаст более здоровый быт <учащихся>, свяжет их с местными условиями, с природой»¹⁶. В этих идеях (чрезвычайно актуальных и сегодня, когда, напротив,

---

¹⁵ Там же. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 18.

происходит, с одной стороны, жесточайшая стандартизация и уравнивание всех образовательных учреждений, а с другой — укрупнение региональных вузов и концентрация их вокруг мегаполисов) Флоренский одновременно касается несколько важнейших тем государственной политики: стандартизации образовательного процесса, региональной и демографической политики. Связка этих тем осуществляется через идею замыкания общегосударственных задач на конкретный материал региона. Очевидно, что только таким путем в принципе можно преодолеть разобщенность центра и регионов — при условии активного использования потенциала региона в решении общегосударственных задач, благодаря чему расселение молодежи по стране будет происходить достаточно равномерно. По мнению Флоренского, именно инновационный и научный труд формирует ядро развития страны. А потому именно научные, образовательные и инновационные учреждения должны стать такими полюсами притяжения. Другим таким ядром является образование, о значении которого Флоренским сказаны удивительные слова: «Государство, начинающее будущую культуру, смотрит вперед, а не назад, и свои расчеты строит на будущем, на детях. Трудности жизни, развал истории, все виды несчастий, которым пришлось подвергнуться детям прошлого исторического времени, должны быть хоть сколько-нибудь заглажены стабильным и спокойным ростом... Без здоровых душевно и телесно детей нет надежд на лучшее будущее. Дети должны быть изолированы от политических тревог, от дрязг жизни, должны как можно дольше оставаться детьми»¹⁷.

Индивидуализация *сельского хозяйства*, пишет Флоренский, это необходимое условие повышения качества в этой наиболее важной отрасли в стране: «Массовое планирование, из центра, представляющее известные преимущества при внимании... к количественной стороне хозяйства (но и тут легко ведущее к несознательному вредительству), уже совершенно неприемлемо при хозяйстве качественном»¹⁸. Тема развития качества сельского хозяйства Флоренским поднимается, очевидно, в связи с тем, что в это время активно продолжалась «перекачка» сельскохозяйственной продукции в промышленность и город. Ориентация на количественные показатели, ставшая с тех пор надолго проклятием советского сельского хозяйства, явно

---

¹⁷ Флоренский П., священник. Предполагаемое государственное устройство. С. 16.

Выделение детства как предмета политического, на наш взгляд, и есть реабилитация политического как такового — возможна ли политика, основанная на заботе о детях? Не только социальная нагрузка на бюджет или «долгосрочные инвестиции в человеческий капитал», а именно комплексная государственная политика детства. Флоренский, безусловно, имел в виду поколение ровесников своих детей, испытавших все ужасы становления нового государства (а после — Великая война и т.д.). Такая жизнестратегическая перспектива как нельзя более актуальна для любого современного государства.

¹⁸ Там же. С. 21.

противоречат всем принципам государственного устройства, которые обсуждает Флоренский. Во-первых, минимальное задействование потенциала земли (требуется углубленное изучение потенциала конкретного колхоза или угодья, с подбором биохимических и технических решений). Во-вторых, происходит потеря культуры работы с землей. В-третьих, осуществляется отчуждение населения от сельского хозяйства путем насильственного участия в колхозах и выдвиганием неоправданных требований к труду. Заметим, что целый ряд соображений Флоренского о сельском хозяйстве перекликается с позицией А.И. Рыкова и Н.И. Бухарина 1928 г., относительно государственной политики в сельскохозяйственном секторе страны.

В целом, можно резюмировать, что проблема организации жизни населения, связанной с уникальными условиями труда и быта, является стержневой для Флоренского. От здравоохранения до научных исследований — везде он демонстрирует тот же метод разграничения централизованных и индивидуализированных функций государственной политики. Этот метод основывается на следующей парадигме: «Крепкая сплоченность государства опирается не на монотонную унификацию всех его частей, а на взаимную их связь, обусловленную глубоким сознанием взаимной необходимости частей, нужности каждой из них на своем месте»¹⁹. Можно было бы назвать этот метод структурно-функциональным, если бы не то, что для Флоренского функция («место» в его терминологии) не навязывается конкретному материалу, а, напротив, оформляется из потенциала этого материала. Внимание и чуткость к тому, чем поддерживается осмысленная жизнь людей, регионов и организаций, для Флоренского есть необходимое качество правителя.

Персонализация верховной власти

В записке П. Флоренский однозначно утверждает необходимость концентрации высшей власти в руках одного правителя, иными словами поддерживает принцип единоначалия. Это логично вытекает из принципа отделения сферы общегосударственной политики от профессиональных сред деятельности. Способность правителя вообразить единство множественного, создать условия для вхождения множественного в целое, с точки зрения Флоренского, не может быть заменена каким-либо представительством. По сути за идеей доступа каждого во власть через институт демократических выборов стоит англосаксонская модель политического как

---

¹⁹ Там же. С. 34.

политической борьбы. Парламенты и выборная власть создают форму легитимации этой борьбы, вводя ее в конструктивное русло. Флоренский же отрицает саму онтологию политического как борьбы политических волей. Не борьба за власть, а реализация творческого потенциала народов в форме целесообразной деятельности создает основу государства. Границы, связи и иерархия деятельностей определяются не в ходе борьбы за власть представителей этих деятельностей или сообществ («кто победил, тот и диктует правила»), а вынесенный в особую сферу власти правитель. Правитель по своей функции является не представителем какой-либо партии или профессионального сообщества — он обладает уникальным даром видеть целое и устанавливать связи между частями.

Можно ли этому научиться, остается неясным: с одной стороны, Флоренский указывает, что политика — это профессиональная деятельность (а значит, она транслируется через механизмы образования и требует особой подготовки), с другой — фигура верховного правителя им вводится как совершенно уникальное явление исторического масштаба.

В целом для рассматриваемого текста характерно смешение ближней и дальней перспективы: обсуждая нормативно, как должно быть, Флоренский нередко привязывается к существующим на момент 1933 г. условиям и определяет ближайший шаг развития. Видимо, то же самое происходит с образом верховного правителя: Флоренский утверждает нормативно (для всех времен) необходимость обособления и возвышения правителя над всеми, при этом ставит вопрос о том, как такой человек может появиться в ближайшем будущем? Если его выбирают «по заслугам» — то кто выбирает? Народ? — Это означало бы возвращение народного суверенитета. Особая группа «экспертов»? — Это был бы вариант аристократии, с неизбежным сомнением других экспертов в честности избрания. Предыдущий правитель? — Но кто это, если не забывать, что речь идет о СССР 30-х гг. XX века?

Сам Флоренский пишет об этом таким образом: «На созидание нового строя, долженствующего открыть новый период истории и соответствующую ему новую культуру, есть одно право — сила гения, сила творить новый строй. Право это, одно только не человеческого происхождения, и потому заслуживает название божественного. И как бы ни назывался подобный творец культуры — диктатором, правителем, императором или как-нибудь иначе, мы будем считать его [его — видимо, ошибка в рукописи. — А.А.] истинным самодержцем и подчиняться ему не из страха, а

в силу трепетного сознания, что перед нами чудо и живое явление творческой мощи человечества»²⁰.

Необходимо подчеркнуть преемственность этой концепции персонифицированной верховной власти с концепцией сакральной власти самодержца, которая была выражена Флоренским в 1916 г. в критическом разборе славянофильской традиции, а в 1918 г. стала органической частью его философии культа. За идеей трансцендентной и обособленной от мира личности верховного правителя, конечно, стоит та же концепция венчанного на Царство, трансцендентного миру монарха. Поскольку ситуация 1918 г. и ситуация 1933 г. кардинально различны, Флоренский не мог сослаться на родовую преемственность монархической власти как источник легитимизации верховного правителя. Этим он принципиально отличался от многих монархистов того периода (как в зарубежной среде эмигрантов, так и среди консервативных кругов православных). В 1933 г. Флоренский принимал разрыв родовой преемственности самодержавия в России абсолютно, и все попытки реставрации монархии в исторической форме им отменялись как утопичные и ложные. Именно поэтому фигура верховного правителя мыслится Флоренским как явление, чудо — невозможный с точки зрения существующих социальных институтов факт коллективного принятия конкретной личности в качестве абсолютной власти. Напомним, что для Флоренского чудо как дискретное развитие потенциала — один из опорных концептов не только в историософии, но и в теории познания (о чем наиболее красочно он пишет в воспоминаниях конца 20-х гг., посвященных своим детям). Вот почему неправильно его рассматривать как логический *deus ex machine*, разрешающий тупик политической мысли, но, скорее, как безусловное выражение позиции Флоренского о том, что формирование политики развития в Советском Союзе возможно только в том случае, если Богом будет дарован народу гений. В ином случае можно обсуждать только переходные типы, равно отстающие от нормы.

Почему Флоренский не контрреволюционер?

Переход от советского строя к «предполагаемому» — это не «дворцовый переворот» и совсем не реставрация монархии. Если говорить в исторических терминах, то это именно революция, необратимое изменение уклада жизни, сопоставимое с Октябрьской революцией. Но Октябрьская революция, мог бы сказать Флоренский, оставалась в русле позитивистской парадигмы Нового Времени, хотя и

---

²⁰ Флоренский П., священник. Предполагаемое государственное устройство. С. 12.

изживала ее своей практикой вовлечения всего населения в *трудовое отношение к миру* (которое Флоренский приветствовал). Здесь же Флоренский подчеркивает, что преодоление политического идеала представительства возможно только при радикальном изменении форм мировоззрения и уклада жизни, полном отказе от индивидуалистических тенденций. Приход такого человека во власть — это безусловное признание за ним Божественной воли на самостоятельное культурное и политическое действие. Действительно, остается неясным ни форма этого признания, ни знаково-символический образ такого человека. Откровение о «праве» гения на преобразование страны, как видно из этой цитаты, чем-то схоже с тем описанием прихода на царское место династии Романовых, о котором Флоренский писал в статье «Около Хомякова» 1916 г.: народ удостоверяет уже случившееся избрание Богом Царя²¹.

Именно этот фрагмент вызывает сегодня наибольшее возмущение у либеральных исследователей творчества Флоренского. Но и у «державников» не может не вызвать смущение указание самого Флоренского на то, что Гитлер и Муссолини являются «суррогатами» такого гения, правда, не обладающими творческой мощью. Странно, что в этом ряду не стоит Сталин: то ли Флоренский не видел Сталина как самостоятельную, отдельную от партии фигуру, то ли он соблюдал вынужденную политкорректность в ссылках на конкретные политические фигуры СССР. Но в любом случае, в 1933 г. ни Гитлер, ни Муссолини еще не приобрели для современников того дьявольского ореола, который возникает у нас, потомков победителей фашизма. Флоренский видел в этих фигурах переходный тип от формального народовластия к личной власти гения. Характерно замечание прот. Владислава Цыпина о том, что Флоренский «ошибся только в том отношении, что с Гитлером и Муссолини он связывал надежду на подрыв престижа демократии, в действительности же после Гитлера и в связи с Гитлером акции демократической пропаганды... выросли колоссально»²².

Ключевой вопрос, остающийся в связи с анализом общественно-политических воззрений Флоренского на основе материалов следственного дела 1933 года, касается того, каким образом религиозный мыслитель, посвятивший свою жизнь синтезу наук и искусств на основе литургического мировоззрения, нигде не сформулировал свое принципиальное несогласие с советской властью? Обвиненный в контрреволюционном монархическом заговоре, Флоренский, напротив, демонстрирует преобразовательный

---

²¹ Флоренский П.А. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. С. 298.

²² Флоренский П., священник. Предполагаемое государственное устройство. С. 194.

характер своей политической мысли. Не возвращение к дореволюционным формам жизни, а следующий этап преобразований и пересобирание страны на основе новых форм мировоззрения — так, пожалуй, следует сформулировать подлинный ответ Флоренского на обвинения в контрреволюционности. Очевидно, что следствие ждало других показаний для убедительности обвинений, поэтому записка «Предполагаемое государственное устройство в будущем» так и не вошла в доказательную базу следствия. Чтобы объяснить причины такой лояльно-преобразовательной позиции Флоренского, следует осветить его отношение к советской власти.

Примерно с 1920 по 1937 г. П.А. Флоренский выступает, прежде всего, как советский ученый, вовлеченный в важнейший процесс индустриализации СССР. Его религиозно-философские сочинения пишутся без каких-либо шансов на публикацию, это сторона его творчества оказывается скрытой от общества. Он все реже служит в храмах как священник и не принимает участие в политической церковной жизни. В то же время он последовательно утверждает свою лояльность к советской власти. Об этой лояльности писал его ученик по Московской Духовной академии А. Архангельский: «От Вас всегда исходило влияние, так сказать, лоялизирующее... Вы первый сказали мне, чуть ли не под гром пушек Октября, что Советский строй — это без сомнения не шутка и надолго»²³. Об этом он писал в своей официальной автобиографии в 1927 г.²⁴ Наконец, еще строже он говорит об этой позиции в своих показаниях в Бутырской тюрьме весной 1928 г.: «К совласти я отношусь хорошо и веду исследовательские работы, связанные с военным ведомством секретного характера. Эти работы я взял добровольно, предложив эту область работы. К совласти я отношусь как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы»²⁵.

В то же время не сложно показать, как в своей инженерной и научной деятельности Флоренский реализует те же мировоззренческие принципы, которые лежат в основе его религиозно-философских сочинений. Он на себе, на самом способе своей жизни пытается максимально полно достигнуть воплощения конкретного подхода к жизни. И социально-политические процессы, которые проходят в Советском Союзе в этот период, принимаются им как безусловно важные и, более того, исторически целесообразные. До самой своей смерти он будет оставаться в уверенности, что синтез религиозного и научного, светского и церковного возможен именно благодаря конкретно-трудовому отношению к жизни, ценность которого несет советская власть. Это добровольное и осознанное принятие советской реальности

---

²³ Цит. по: *Флоренский П.*, священник. *Предполагаемое государственное устройство*. С. 37.

²⁴ *Флоренский П.А.* Автобиография (1927) // *Наше наследие*. 1988. №1.

²⁵ *Флоренский П.А.* Арест и гибель. Уфа, 1997. С. 48.

особенно четко прорисовывается на фоне его резко отрицательного отношения к Февральскому перевороту, в котором Флоренский видел кульминацию номиналистического мировоззрения русской интеллигенции²⁶.

Личное столкновение с беспощадной машиной истребления российской и православной культуры было последним, самым страшным испытанием этой позиции. В ситуации ареста и ссылки Флоренский переносит ожидаемый им цивилизационный синтез в далекое будущее, продолжая заниматься «прокладыванием дорог» к будущему цельному мировоззрению. Он пытается выстроить оптимальную форму государственного устройства в условиях радикального кризиса института Православной церкви. Это реально означает попытку помыслить сакральный предмет — власть — в десакрализованной форме. Эта попытка приводит Флоренского к необходимости выделения фигуры правителя как личного носителя принципа единства государства во многообразии человеческого, культурного и профессионального материала. Таким образом, уже не литургическое Таинство, а личный дар оказывается источником власти.

Чрезвычайно сложно для исследователя утверждать, что такая трансформация политических воззрений действительно соответствовала реальной позиции Флоренского. Напротив, можно предположить, что из невысказанного им открыто (или еще неопубликованного) можно будет сделать вывод о том, что в условиях кризиса Церкви как социального института функцию освящения власти реализуют другие органы Церкви (например, святые). А та форма легитимности, которую он вводит в «Записке о предполагаемом государственном устройстве», является временной формой в условиях тотальной апостасии — потере народом веры в Бога. Однако все эти предположения пока не могут считаться сколько-нибудь доказательными, хотя они и дают возможность сегодня снова вернуться к нерешенной проблеме православного понимания светского государства.

В любом случае, и в способе общественного служения, и в своей педагогике рода (заботе о воспитании детей), и даже в своем единственном и вызывающем множество вопросов в подлинности политическом трактате Флоренский максимально остается целостной, следующей своим мировоззренческим принципам оригинальной

---

²⁶См., например, его переписку за 1917 год: с В.В. Розановым («Мы переживаем кризис западнической идеи. Если Россия не погибнет, она должна сломить в себе западничество. Но, увы, интеллигенция, что бы там ни происходило, своей гордыни не изменит. Она не умеет каяться, она не умеет сознавать свою вину, она обожествилась и считает непогрешимой себя и виноватыми всех, кроме себя» — *Розанов. В.В. Собрание сочинений. Т. 29. Литературные изгнанники. Книга 2. М., СПб., 2010. С. 192*) и с С.Н. Булгаковым (Переписка священника П.А. Флоренского со священником С.Н. Булгаковым. Томск, 2001. С. 131–132).

фигурой. Его парадоксальная способность связывать различные профессиональные и эпистемические действительности на основе литургического мировоззрения являются достаточным основанием для описания его позиции как образца православного мыслителя и деятеля в современном мире.

Список литературы:

1. *Андрюшков А.А.* Сакральное значение власти в философии культа П.А. Флоренского // *Власть.* № 6. 2007.
2. *Громько Ю.В.* Мыследеятельность, сознание и сверх-личность. Реальность развития. М., 2010.
3. Переписка священника П.А. Флоренского со священником С.Н. Булгаковым: Архив священника П.А. Флоренского. Вып. 4. Томск, 2001.
4. Переписка священника П.А. Флоренского с М.А. Новоселовым: Архив священника П.А. Флоренского. Вып. 2. Томск, 1998.
5. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Т. 29. Литературные изгнанники. Книга 2. М., СПб., 2010.
6. *Тальников Д.С.* Политико-правовые воззрения Павла Александровича Флоренского. Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. СПб., 2010.
7. *Треушников И.А.* Политико-правовые воззрения П.А. Флоренского // *Актуальные проблемы в области гуманитарных наук: от теории к практике: сборник научных трудов.* Вып.3. Н. Новгород, 2000. С. 30–42.
8. *Флоренский П.А.* Автобиография (1927) // *Наше наследие.* 1988. № 1.
9. *Флоренский П.А.* Арест и гибель. Уфа, 1997.
10. *Флоренский П., священник.* Предполагаемое государственное устройство в будущем: Сборник архивных материалов и статей / сост. игумен Андроник (Трубачев). М., 2009.
11. *Флоренский П.А., священник.* Сочинения в 4-х тт. Т.2. М., 1995.
12. *Флоренский П.А., священник.* Философия культа. М., 2004.
13. *Хагемайстер М.* Новое средневековье // *Исследования по истории русской мысли.* Ежегодник за 2003 год [6]. М., 2004.
14. *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2004.
15. *Цытин В., протоиерей.* Комментарий к записке священника Павла Флоренского «Предполагаемое государственное устройство в будущем». URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/749.htm>.